

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ РАСИЗМ

Владимир Ильин

1. *Двойственность категории расы*

Категория расы как совокупности наследуемых природных характеристик возникла в XVIII-XIX вв. в Западной Европе. Это была сугубо биологическая категория. Переплетение расового и социального неравенств объяснялось наличием природного неравенства. В XX веке расовая проблематика вошла в общественные науки. Как следствие этого началось расщепление содержания категории расы: в естественных и общественных науках в нее стали вкладывать различный смысл.

В физической антропологии человеческие расы - это исторически сложившиеся группы людей, связанные единством происхождения, которое выражается в общих наследственных морфологических и физиологических признаках, варьирующихся в определенных пределах (1).

На территории бывшего СССР 85,4% населения составляли европеоиды, представленные тремя ветвями этой расы: (1) *южная ветвь* - смуглая кожа, преимущественно темные глаза и волосы; (2) *северная ветвь* - светлая кожа, значительная доля серых и голубых глаз, русых и белокурых волос; (3) *промежуточная ветвь* - среднеинтенсивная пигментация. Кроме того, по окраске кожи, волос и глаз, по строению лицевого скелета и мягких частей лица, по пропорциям мозговой части черепа, выражаемым головным указателем (процентное отношение наибольшей ширины головы к ее наибольшей длине) и ряду других признаков среди европеоидов выделяют различные расы второго порядка (2).

Однако в процессе социального взаимодействия из целой серии биологических различий значимыми оказываются лишь некоторые, причем нередко в одном случае обращается внимание на одни признаки, в другом - на иные. В результате основанная на устойчивых объективных Критериях классификация расовых групп теряет стабильный характер, становится подвижной и крайне относительной: в разных местах расовые группы выделяются по различным биологическим признакам. Раса превращается в феномен массового сознания и соответственно - социального взаимодействия. Именно смыслом, вкладываемым в понятие расы

обыденным сознанием, и оперирует социология, изучающая поведение людей, в том числе и в процессе межрасовых отношений.

В обществоведении раса - это человеческая группа, определяющая себя и (или) определяемая другими как отличающаяся от остальных врожденными и неизменными физическими характеристиками. В свою очередь эти физические характеристики рассматриваются как органически связанные с моральными, интеллектуальными и другими нефизическими атрибутами и способностями. Раса - это группа, социально определяемая на основе физических критериев (3). Другое определение делает несколько иной акцент, отнюдь не опровергая предыдущего: раса - это социальная общность, объединяемая физическими характеристиками (такими, как цвет кожи), которые рассматриваются как этнически значимые, как свидетельство культурных различий (4). Попросту говоря, если где-то начнут бить рыжих или лысых, приписывая им какие-либо культурные или социальные характеристики, то можно будет говорить о расах рыжих или лысых. Отбор физических символов социально-культурной дифференциации в принципе непредсказуем.

С точки зрения социальных отношений, раса - это одна из разновидностей групп, выделяемых окружающей социальной средой по тому или иному физическому антропологическому признаку, наделяемому функцией символа социальных и культурных качеств. Преследования, дискриминация, создание социальной дистанции на основе таких антропологических признаков составляют основу расизма как разновидности этноцентризма.

2. Негры в советском обществе

Из всех рас негроидная выделяется наиболее очевидными, бросающимися в глаза физическими особенностями. Во многих регионах мира эти физические особенности дополнились своеобразием социального статуса и культуры. Все это легло в основу наиболее распространенной формы расизма антинегритянской направленности.

Долгое время эта классическая форма расизма казалась достоянием колониальных империй и Соединенных Штатов Америки. Но во второй половине 1950-х гг. советское общество впервые в значительных масштабах встретилось со студентами-африканцами. И тут оказалось, что советские люди тоже не застрахованы от расистских предрассудков. Африканские студенты с удивлением обнаружили, что бытовой расизм без особого труда можно встретить и в «стране победившего социализма». Одна из основных причин антинегритянского отечественного расизма - переплетение расовых и социальных различий, что всегда чревато возникновением этого феномена. Какие же социальные различия совпали с бросающимися в глаза отличиями в цвете кожи?

(1) Черные студенты на улицах советских городов стали живым олицетворением, подтверждением распространенного мифа 1960-80-х годов:

«сами без штанов, а весь мир кормим; смотри сколько их понаехало!» Советская помощь развивающимся странам безбожно преувеличивалась, но массы, лишенные альтернативной информации, без колебаний заглатывали эту идеологическую пилюлю, которая в сочетании с очевидно низким собственным уровнем жизни порождала обыденный изоляционизм, приобретающий в силу специфики распределения советской помощи антинегритянский характер.

(2) Иностранцы студенты, в большом количестве принимавшиеся в лучшие вузы страны, занимали и без того дефицитные места в качестве студентов и жителей общежитий. Это неизбежно делало их конкурентами для тех, кто не смог поступить или получить койку в «общаге». Конкуренция же переплетающаяся с расовыми различиями, создает крайне благоприятную почву для расистских предрассудков.

(3) Негритянские студенты приезжали из слаборазвитых стран в страну, декларировавшую максимальное продвижение по пути социального прогресса. В своей массе они были не богаты, а то и просто бедны. Однако они являлись иностранцами и это резко поднимало их социальный статус, возвышая над массой советских граждан. Как иностранцы они пользовались фантастической для хозяев свободой на каникулах выезжать не только домой, но и в западные страны (это поднимало среднего африканского студента до уровня высших слоев советской номенклатуры). Немало иностранных студентов регулярно бывали в самых фантастических для советской молодежи точках: в Париже, Лондоне, Стокгольме и т.д. По своей международной мобильности часть из них могла конкурировать с работниками советских внешнеполитических ведомств, не говоря уже о прочей номенклатуре.

Свобода передвижения давала немалые экономические преимущества, что позволяло студентам из третьего мира жить гораздо богаче, чем могла позволить им их специальная стипендия. Особо же предприимчивые иностранцы организовывали настоящие предприятия по контрабанде, что позволяло им за годы учения в СССР стать вполне состоятельными людьми. Армия фарцовщиков питалась в значительной мере за счет курсировавших через границу иностранных студентов. Таким образом представители дружеских стран, приехавшие в СССР изучать опыт строительства социализма, стали весьма существенной опорой советской теневой экономики. В результате в обыденном сознании складывалась весьма противоречивая ситуация: «мы кормим» людей, которые богаче нас. Это смотрелось не логично.

(4) Как минимум на шесть лет масса молодых парней с не очень обузданным африканским темпераментом оказались в отрыве от своих соотечественниц (учиться приезжали в основном мужчины), что не могло не толкнуть их в конкурентную борьбу за белых женщин. Их необычные и порою отпугивающие антропологические черты с лихвой компенсировались привилегированным статусом иностранцев. С помощью импортных товаров ширпотреба, доступа в валютные магазины и перспектив увезти свою возлюбленную за границу они оказались чрезвычайно привлекательными

кавалерами для многих советских девушек. Вокруг них закружился рой как желающих приобрести статус вольных граждан с правом проезда через границы и жизни за кордоном в качестве законных жен иностранцев, так и проституток, уважающих валюту и иностранные товары. Части советских парней, естественно, было обидно за державу. Обидчики же в массе своей отличались черным или смуглым цветом кожи. Расовые признаки приобрели роль символа узвленного национального самолюбия.

Все это - специфические советские социальные корни антинегритянского расизма, имевшие место также и в «братских странах социализма», но коренным образом отличавшиеся от социальных корней расизма в развитых странах Запада. С переходом страны от «развернутого строительства коммунизма» и «совершенствования развитого социализма» к построению «цивилизованного общества» ситуация в принципе не изменилась, хотя ее количественные параметры стали иными: резко поубавилось африканцев на улицах крупных городов, но расизм стал заметнее, ибо разрыв с коммунистическим режимом расистски настроенными гражданами был воспринят как появление свободы не скрывать свое отношение к неграм и открыто демонстрировать свои взгляды в духе идеологии американского рабовладельческого Юга.

Вместе с тем в нашей стране срабатывал и универсальный механизм воспроизводства антинегритянского расизма.

3. Советские «черные», или «лица кавказской национальности»

Любое общество несет в себе бациллу расизма, которая при благоприятных условиях вызывает соответствующую болезнь. Поэтому если нет черных или их не достаточное количество, то таковых надо придумать. Если есть белые, значит кто-то же должен играть черных. И вот советская действительность породила весьма оригинальную систему воспроизводства расовых различий. Вначале основными «сепараторами», делившими людей на «белых» и «черных», стали армия и колхозный рынок - две болевые точки, где в значительных масштабах сходились люди с некоторыми антропологическими различиями и разными социальными ролями. По мере нарастания социально-экономического кризиса, политических и национальных конфликтов резко возросло стремление части граждан найти «черных», которые виноваты если не во всем, то по крайней мере во многом. Если есть спрос, то неизбежно появится и предложение. И вот в условиях глобального кризиса в стране один за одним стали появляться новые, все более и более неожиданные механизмы воспроизводства расовых барьеров и конфликтов.

Исследование, проведенное ВЦИОМ в октябре 1993г. показало наличие у населения России довольно четко обозначившихся негативных этнических установок.

Табл.: Этнические установки (в%) (5)

Этносы	Негативное отношение	Позитивное отн-е
Чеченцы	48	35
Цыгане	48	39
Азербайджанцы	43	43
Армяне	45	41
Узбеки	20	61
Эстонцы	16	64
Евреи	17	68
Татары	13	71
Украинцы	7	81
Русские	2	91

Обращает на себя внимание тот факт, что ведущие позиции в спектре негативных этнических установок занимают этносы с более или менее ярко выраженными антропологическими отличиями (цвет волос, глаз, оттенок цвета кожи, черты лица) по сравнению с господствующим антропологическим типом России. Есть негативные стереотипы определенных этносов, однако в повседневной жизни немногие смогут отличить азербайджанца от армянина или чеченца. Негативный этнический стереотип формируется на основе разнообразных источников информации, но при повседневном поверхностном общении на улице, общественном транспорте, рынке и т.д. невозможность этнической дифференциации компенсируется расовой генерализацией. Антропологические отличия негативно воспринимаемых этносов становятся обобщающими знаками, позволяющими распознать потенциально опасных и чуждых. Так, негативный этнический стереотип нескольких этнических групп* активно действующих в русских городах, переносится не только на все эти этносы, проживающие вдалеке от русских земель и ведущие совершенно иной образ жизни, но и на всю группу народов, имеющих общие антропологические признаки с цыганами, азербайджанцами или чеченцами. Так, в общественном сознании русских, живущих в русских регионах, появляется зловещий символ «черных» или «лиц кавказской национальности», «южан». В

русских городах нет и не может быть негативного этнического стереотипа таких народов, как балкарцы, карачаевцы, адыгейцы или кабардинцы, поскольку большинство знает о них лишь на уровне названия, прочитанного в газете. Однако это не исключает, что представители этих народов могут встретить в русских регионах предвзятое негативное отношение, ибо они включаются в одну группу с хорошо известными здесь чеченцами или азербайджанцами.

Попытаемся теперь подробнее рассмотреть механизм формирования негативных этнических и расовых стереотипов у славянского населения России. Исходной методологической посылкой является идея порождения расовой дифференциации социальной, а расовой неприязни - социальными противоречиями, совпадающими с антропологическими различиями.

(1) Советская армия

Советская армия, которая в официальной пропаганде называлась «школой интернационализма» в реальности создавала такие условия, которые обостряли чувство национальной принадлежности, деление на «своих» и «чужих».

Армия создает для молодого человека, резко оторванного от привычной социальной и географической среды, целую систему психологических перегрузок, порождающих стрессы. Ослабить их опасность можно, нейтрализуя воздействие армейской макросреды посредством микроклимата узкого коллектива. Это является основой для формирования землячеств.

В основу этого процесса кладутся разнообразные критерии в зависимости от конкретной структуры воинского коллектива. Так, в национально-однородных частях в группы объединяются парни, прибывшие из одного города, возникают объединения «городских» и «деревенских», «студентов», жителей Москвы и Ленинграда. Однако в славянских по составу частях землячеств может и не быть, а если они есть, то не представляют групп, достаточно сплоченных, чтобы противостоять армейскому порядку (6).

В многонациональных частях на первый план выступали землячества по национальному признаку. Их роль резко возросла с рубежа 1970-80-х годов, когда в результате демографического взрыва в республиках советского Востока и падения рождаемости в славянских регионах резко возрос приток в армию молодого пополнения с Кавказа и Средней Азии, его удельный вес стал весьма заметным, а в ряде случаев славяне оказались в меньшинстве.

Для кавказских землячеств, как отмечают, проводившие опрос экспертов социологи, «характерны особо острые конфликты, иногда с криминальным исходом. Даже небольшая группа кавказцев способна терроризировать многочисленные группы из представителей других национальностей». В сплоченные, но менее агрессивные землячества объединялись и представители среднеазиатских народов (7).

Землячества в советской армии выстраивались в многослойную

пирамиду. Помимо объединения кавказских и среднеазиатских народов в национально-территориальные землячества, «все вместе они объединяются против славян, хотя и не везде». В результате славяне «испытывают гнет и со стороны кавказских и среднеазиатских «землячеств», поскольку сами не группируются и защитить себя не могут. Во многих случаях «молодые» национального происхождения имеют право вести себя как «деды» по отношению к славянам, прослужившим и год, и больше» (8).

Поскольку разобраться простому солдату в том вавилонском столпотворении, которое представляла собой многонациональная армия, было невозможно, то обычно этнический критерий деления заменялся на более обобщающий и очевидный расовый. Так «школа интернационализма» стала важным очагом расовой дифференциации и расизма.

Развал СССР положил начало формированию армии преимущественно русской по своему этническому составу, где расовоинородные элементы представляют меньшинство. Это ослабляет проблему этнических и расовых конфликтов в казармах.

(2) Колхозный рынок

Базар стал основным полем формирования социально-расовой стратификации. Здесь четко проявилось наложение расовых признаков на целый ряд социальных различий. Южные районы Советского Союза, где наиболее благоприятные природные условия для выращивания многих овощей и фруктов, прежде всего экзотических субтропических культур, стали формировать весьма заметную с точки зрения численности и бросающуюся в глаза в силу антропологических особенностей группу торговцев. Высокие, для многих недоступные, цены, диктуемые «частником», к которому десятилетиями власть воспитывала чувство если не враждебности, то по крайней мере предельной осторожности, всегда вызвали сложные чувства с заметным негативным оттенком. «Чужак» с отличительными расовыми признаками в роли «эксплуататора», «мироеда» порождал особо сложные чувства.

В условиях перестройки и послеперестроечного времени ослабли административные барьеры на пути свободного перелива населения. Некогда недоступная московская или ленинградская прописка стала легко покупаться, а во многих случаях превратилась в ненужную формальность. Это усилило приток населения из республик советского Востока в российские столицы. Легализация коммерческой деятельности открыла перед ними широкие перспективы самоутверждения на новой почве в традиционной социальной роли. Межнациональные конфликты на Кавказе и в Закавказье резко усилили приток беженцев в эти города. Значительная часть закавказских беженцев прибыли с солидными финансовыми средствами, навыками предпринимательской деятельности, связями и получили поддержку уже существовавших землячеств. В результате в короткие сроки масса ларьков на улицах крупных российских городов, особенно Москвы и Санкт-Петербурга оказалась в руках выходцев с Кавказа. Их этническая

пестрота при социальной однородности и антропологической близости привели к их слиянию в массовом русском сознании в огромное сообщество «черных», которое включило армян, азербайджанцев, чеченцев и др. Во многих районах российских столиц вся ларечная торговля оказалась монополизированной этим сплоченным сообществом, не допускающим конкуренции и взвинчивающим цены. Этому способствует и то, что одним из самых прибыльных направлений нового бизнеса стала торговля спиртными напитками. В результате традиционное для отечественного государства спаивание народа в фискальных целях стало все более и более активно осуществляться руками этнических чуждых и расово своеобразных групп. Таким образом, социальная дифференциация приобретает негативное эмоциональное оформление.

(3) «Шабашники»

В 1960-70-е гг. жесткая административно-хозяйственная система в целях своего самосохранения стала допускать определенные вольности в поведении руководителей, пытавшихся в интересах своих предприятий и организаций использовать официально не одобряемые ресурсы. Одним из дополнительных ресурсов рабочей силы стали бригады «шабашников», приезжавшие в российскую глубинку, прежде всего в сельскую местность, главным образом из Закавказья. Анализ состава «шабашников» в одном из сельских районов Западной Сибири показал, что 31% приехали из автономных республик Северного Кавказа, 24% из Закавказья, 22% из Западной Украины, 20% из близлежащих городов и сел (9).

Эти бригады представляли собой чуждый коренному населению элемент с точки зрения как их этнической принадлежности и антропологических признаков, так и места в общественной организации труда, способами размерам получения дохода. «Шабашники» были вольными работниками, не знавшими административного принуждения к поддержанию дисциплины труда, но тем не менее работавшими почти без выходных отнюдь не по восемь часов в день. Их бригадиры сидели не на окладе, а целиком зависели от успеха заключения сделки и выполнении в срок подписанного договора на строительство объекта. Поэтому они не работали, а «крутились», правдами и неправдами обеспечивая бесперебойную работу своих бригад. Для получения в срок нужных материалов, для подписания выгодных контрактов и сдачи объектов во что бы то ни стало использовались и кавказское радушие, и умение найти общий язык, и прямой подкуп ответственных работников. Эта система испытанных и эффективных методов обеспечивала «шабашникам» высокий уровень заработков, существенно превосходивший зарплату кадровых местных работников. Подобная социальная дифференциация не могла не порождать определенного недовольства, которое в данном случае падало на почву этнического отчуждения.

(4) Беженцы

В конце 1980-х - начале 1990-х годов межнациональные конфликты, тенденция к формированию в ряде бывших советских республик этнократических режимов породили целую многонациональную волну беженцев, устремившихся в Россию. Помимо русских беженцев, весьма значительную часть прибывших беженцев составили этнически чуждые и антропологически отличные армяне, турки-месхетинцы.

Основная часть армянских беженцев (65%) сконцентрировалась в Краснодарском и Ставропольском краях, вместе с Ростовской областью и Северной Осетией доля этих регионов в приеме армянских беженцев составила 74%. Один из первых потоков направился в Москву. В целом в Центральном регионе (Москва, Московская, Тверская, Смоленская области) сконцентрировалось 14% армянских беженцев. 65% турок-месхетинцев также сосредоточились в Ростовской области и Краснодарском крае. Россия приняла также поток азербайджанских беженцев. 54% процента прибывших азербайджанцев расселились в Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской и Волгоградской областях. Беженцы из Южной Осетии сконцентрировались в основном в северной Осетии, но часть попала в Краснодарский край (10).

Примечательно, что преобладающая часть беженцев из представителей кавказских народов сконцентрировалась в наиболее благоприятных и перенаселенных районах России. Это привело к резкому взлету цен на жилье, на многие товары первой необходимости естественное следствие притока населения с существенными денежными запасами. Обострилась конкуренция за наиболее престижные рабочие места. Резко возрос удельный вес пришлого населения в сфере предпринимательства.

Жительница небольшого городка в Ставропольском крае (русская беженка из Таджикистана) в интервью сетовала на то, что не может устроиться работать по специальности (продавцом). «В принципе, - сделала она оговорку, - такие свободные рабочие места есть. Но вся торговля сконцентрировалась в руках у армян. А они соглашаются взять на работу лишь при условии совмещения служебных обязанностей с иными... Это же не каждой женщине подходит...» Такие же жалобы можно услышать от многих молодых женщин во всех российских городах и вне связи с «черными» мигрантами. Но когда к сожительству принуждает, пользуясь безвыходностью ситуации, «чужак», стандартный вариант трудоустройства в сфере мелкого бизнеса приобретает особо унижительный характер. Это еще более усиливает расовый оттенок противоборства на рынке труда.

Таким образом, беженцы выступили в роли новых конкурентов, особенно негативно воспринимаемой в условиях обостряющегося экономического кризиса. Это стало также одним из существенных источников расистских настроений в районах расселения кавказских беженцев.

(5) Преступность

Преступники везде и всегда воспринимались обществом как злейшие враги. Но они представляют собой невидимых врагов, крайне запутанным остается и вопрос: «Кто и почему становится преступником?» Поэтому ненависть к преступникам, если они еще не на скамье подсудимых, носит какой-то мифический, безадресный характер. Создается впечатление, что либо преступники затаились вокруг, либо их вообще нет. Все это вызывает психологический дискомфорт. Страх и ненависть нуждаются в конкретном образе врага. Если же появляются основания подозревать, что люди с какими-либо внешне видимыми признаками часто встречаются в среде преступников, то общественное сознание с радостью хватается за эту соломинку, позволяющую вырваться из омута анонимной опасности. Расовые признаки часто выполняют такую роль (например, порочный круг: негритянская преступность - расизм в США).

Национальные меньшинства везде и всегда стремятся к сплочению с целью создания благоприятного микроклимата, позволяющего выжить в чуждой среде. Для представителей малочисленных кавказских народов это особенно характерно. Поэтому появление земляческих групп преступников кавказского происхождения вполне закономерно. Поэтому кавказская преступность в русских городах - это не миф, а вполне реальный факт. Особенно заметно это проявилось в Москве - столице некогда огромного многонационального государства.

Еженедельник «Московские новости» так обобщил факты, характеризующие эту проблему: «Немало хлопот, как столичному криминальному миру, так и правоохранительным органам, доставляют и гастролеры из ближнего зарубежья. Особенно с Кавказа. По разным данным, в городе сегодня находятся от 500 до 700 тысяч выходцев из этого региона. Война, безработица и просто рассказы о сладкой жизни в Москве заставили сняться с насиженных мест сотни молодых людей. Многие из них сегодня ищут счастья в России с оружием в руках. Армянские группировки специализируются на вооруженных захватах иномарок, дагестанские - контроле проституток, уличной торговле, грузинские - заложниках и разбоях, азербайджанские - наркобизнесе, чеченские - рэкрете коммерческих структур» (11). По оценкам московской милиции, в 1993г. среди лиц совершивших тяжелые преступления в столице России, от 60 до 80% составляли «лица кавказской национальности», среди замешанных в распространении наркотиков - до 80% (12). Аналогичную статистику обнародовала и милиция Санкт-Петербурга. В массовом сознании все эти пестрые банды выходцев с Кавказа сливаются в одну массу «черных» бандитов. Совпадение расовых и социально-культурных характеристик породило стереотипную связку понятий «кавказец» - «бандит, преступник». В результате в общественном сознании теснота связи между этими двумя понятиями существенно превосходит реальные показатели.

В качестве защитной реакции против анонимной опасности преступности, которая в определенной мере коррелируется с

антропологическими признаками выходцев с Кавказа, является стремление по возможности избегать потенциально опасных контактов. Так, работница одной московской гостиницы (сама беженка из Молдавии) отказалась поселить группу чеченцев, хотя свободные места были. Через некоторое время получившие отказ чеченцы (дело было ночью и особого выбора у них не было) увидели, что других людей поселили, подняли шум. Позже в интервью администратор объяснила мотивировку своего поведения: «Они такие шумные, скандальные. Вот и здесь скандал затеяли. Другое дело среднеазиаты: спокойные клиенты».

Особые отношения сложились с кавказцами у московских таксистов. После убийства одного из водителей тень подозрения пала на кавказцев. Ответной реакцией стал отказ брать клиентов с антропологическими признаками принадлежности к кавказцам. Дело не свелось к разовой эмоциональной акции протеста. В интервью автору один московский таксист признался, что он обычно не берет клиентов из числа кавказцев: «Если вижу, что «голосует» черный - не торможу, а если сразу не замечу и останowлюсь - отвечаю, что не по пути». Причины такой дискриминации он назвал весьма специфические: «Среди кавказцев часто попадаются люди, отказывающиеся платить за проезд. С виду состоятельный человек, а на самом деле - без денег. Зачем мне такой клиент?»

Таким образом, защитная реакция против потенциальной опасности столкновения с преступником ведет к явной расовой дискриминации. Это проявляется и при сдаче жилья, и при приеме на работу и на учебу.

Проникновение расизма как защитной реакции на кавказскую преступность пропорционально потенциальной угрозе стать жертвой. Поэтому чем дальше от центров, где стала заметной кавказская преступность, тем меньше проявлений расизма такого вида. Кроме того, в самой Москве, где эта проблема, особо заметна, разные слои населения далеко не одинаково смотрят на «кавказскую опасность». Для одних «черная» преступность стала настоящим пунктиком, другие не придают ей серьезного значения, не выделяют из общего контекста преступности. Механизм дифференциации восприятия этой проблемы объяснил в интервью один московский инженер: «Чеченцы в основном занимаются рэкетом, потрошат богатых. У меня брать нечего, поэтому эта проблема меня не волнует».

(6) «Горячие точки»

В послеперестроечное время «горячие точки» в изобилии покрыли территорию бывшего Союза ССР. Основная их часть сосредоточилась на Кавказе, Закавказье и Средней Азии. При этом значительное число славянского населения страны в той или иной мере оказалось жертвами национальных конфликтов, направленных в принципе не против них. Здесь можно выделить две основные категории: (1) русскоязычное население этих регионов и (2) славянские военнослужащие, проходившие там службу. В Россию устремился поток славянских беженцев. Сюда же стали возвращаться солдаты и офицеры, побывавшие в «горячих точках». Все они

принесли с собой чувства обиды, унижения, злости за все, что им пришлось перенести. При этом их социальный опыт, накопленный в разных регионах оказался во многом однотипным, что способствует слиянию в одно мрачное «черное» пятно впечатления о тех, кто заставил их сняться с насиженных мест, а порою пройти и через более суровые испытания. Так, демобилизованные солдаты, вернувшиеся из Азербайджана, Армении, Грузии рассказывали автору данной статьи очень схожие истории о том, как на них вымещалась злоба, обращенная против империи. В результате они тоже стали носителями злости и презрения по отношению к «черным».

Во время одного интервью демобилизованный солдат-пограничник рассказал жуткую историю о том, как азербайджанские боевики на глазах у безоружной группы солдат грузовиками раскатали по асфальту несколько офицеров. Это впечатление въелось в него на физиологическом уровне. В конце этой беседы к ней присоединился беженец из Азербайджана, который пытался убедить солдата, что вину за это нельзя возлагать на весь народ, что он сам натерпелся еще больше. Но такой опыт плохо перемалывается словесными аргументами. В настоящее же время такой опыт стал коллективным, его обрели сотни тысяч людей.

Офицеры, вырвавшиеся из «горячих точек», продолжают служить в российской армии. И здесь они встречают новобранцев с Северного Кавказа и из числа закавказских беженцев. Их тяжелый опыт «козлов отпущения» за все грехи царской России и СССР создал благоприятный условия для формирования негативных расовых стереотипов, жертвами которых становятся уже ни в чем неповинные «черные» солдаты, попадающие во власть жертв этнических чисток.

(7) Средства массовой информации

Жизненный мир среднего человека беден социальным опытом, зажат в узкие рамки распорядка рабочего дня и жесткий прессинг бытовых забот. Отсюда из года в год повторяющийся однотипный маршрут и соответствующие впечатления. Соседняя улица нередко столь же малоизвестна, как и далекие острова. В этих условиях подлинным окном в мир стали средства массовой информации. Они формируют наш макромир. Редко кто имеет представление о ключевых точках реального макромира: странах, процессах, политических деятелях и т.д. Вместо него ориентиром служит мир, созданный средствами массовой информации. Получив относительную свободу, они стали активно вторгаться и в ранее запретную тему национальных противоречий и конфликтов. И вот уже основная масса российских граждан, имея очень слабое представление о Кавказе и его обитателях, подпитывается информацией из газет и телепередач.

Отношение славянского населения к кавказцам формируется не реальными процессами, протекающими в том регионе, а сообщениями о них в СМИ. Если довериться им, то весь Кавказ сливается в сплошную зону, где идет бессмысленная война, где люди убивают друг друга, грабят, насилюют. В газетной картине Кавказа нет тихих регионов (нет чрезвычайных событий

- нет и журналистского интереса), нет иных процессов, кроме кровавых. Важным индикатором сформировавшегося отношения русского населения к этому региону стала почти полная остановка притока некогда многочисленных туристов и курортников. Дагестан, Кабардино-Балкария, Адыгея - районы более безопасные и спокойные, чем Москва, однако они сливаются в одно кровавое пятно на карте вместе с Абхазией, Карабахом... Соответственно и все приезжающие с Кавказа воспринимаются как гости с безумной войны и окружаются соответствующими социальными ожиданиями.

В описаниях совершенных преступлений в российских средствах массовой информации стало почти что нормой сообщать в таком духе: «задержаны трое преступников, среди них лицо кавказской национальности». Без этого информация лишена пикантности. Среди массы признаков, характеризующих преступников, особое внимание привлекают антропологические черты, присущие кавказскому типу.

В 1992-93 гг. в центре российской политической жизни оказалось противостояние президента с командой, с одной стороны, и руководства Верховного Совета России - с другой. Описывая это противостояние пропрезидентские газеты в качестве стандартного приема использовали подчеркивание кавказского происхождения лидера парламента Руслана Хасбулатова, старательно формировали имидж «чужака». При этом одним из излюбленных приемов стало также проведение параллелей между Хасбулатовым и Сталиным (тоже «лицо кавказской национальности»), составление мрачных предсказаний на случай возможной победы Верховного Совета на основе экстраполяции черт восточных деспотий как порождения специфического восточного характера на Россию под властью Хасбулатова.

4. Расовые конфликты и отчуждение

Конфликт - это открытая и осознанная форма существования социального противоречия. Там, где есть противоречия - там потенциально существует угроза конфликта.

Выше показан спектр социальных противоречий, в которых противоположные стороны характеризуются некоторыми расовыми различиями. В таких корреляциях социальных ролей и расовых признаков социальный конфликт приобретает форму конфликта расового. Проявляется он там, где острее всего конфликт социальный.

В армии конфликт землячества, дедовщина нередко приобретают расовые оттенки. «Черные» выступают как сплоченная сила наступающая на славян или обороняющаяся от их произвола (все зависит от численного соотношения). Коллективные драки, индивидуальные избиения «чужаков» стали довольно распространенным явлением в армейской жизни.

На рынке конфликт социальных ролей ставящего чрезмерную цену продавца и покупателя, который не в состоянии приобрести необходимый товар, нередко приобретает расовый характер. При этом он нередко подстегивается конкурентной борьбой за рынок. В результате этого погромы

«черных» торговцев, расчищающие простор для местных конкурентов, то и дело случаются в разных городах России.

В крупных городах, особенно в Москве, где сформировались бандитские группы с преобладанием этнически и расовочуждого элемента, обычная борьба преступных группировок за сферы влияния приобретает национальный и расовый оттенок. В основе войны банд лежит, конечно, сугубо материальный интерес. Однако реализация самого прагматичного интереса обычно облекается в те или иные идеологические и социально-психологические формы. Бандитские «разборки» не являются исключением. Обыватель, наблюдающий за этим через средства массовой информации, нередко проникается «патриотическими» чувствами, сочувствуя борьбе «своих» бандитов за очистку столицы от «черных» банд. Подобные симпатии иногда дают себя чувствовать и в уголовной политике органов охраны правопорядка.

Так, они нередко исходят из допущения, что «черный» - это весьма вероятный кандидат в правонарушители (схожим стереотипом страдает американская полиция). В результате кавказец оказывается «клейменным» подозрением, загоняется в определенное русло системой социальных ожиданий, которые он в конечном счете может и оправдать. Это делает милицию особенно внимательной к этой категории людей. Свидетели милицейских облав отмечали их избирательный «античерный» акцент: в месте облавы людей сортировали по внешним признакам и тщательной проверке подвергали тех, кто имел антропологические признаки «черного». Со стороны милиции время от времени раздаются требования ужесточить контроль за доступом в российские города «лиц кавказской национальности». Порою местные органы власти вольно или невольно принимают решения, направленные на профилактику правонарушений, и предполагающие дискриминационные меры именно против «южан». Наиболее активно такую политику проводят органы власти Москвы.

Но чаще всего наблюдается не расовый конфликт, а нарастание социальной дистанции. Русское население российских городов с опаской смотрит на «лиц кавказской национальности» (и просто людей похожих на них), видя в них потенциальных преступников. Это проявляется в боязни сдавать им квартиры, подвозить на автомобилях, в том числе и такси, принимать на работу и т.д.

5. Расовые акценты в политике и управлении

Под давлением националистических и расистских настроений масс, наслаивающихся на такие же настроения аппарата управления и его представления о необходимости убрать лишнюю «головную боль» в форме приехавших с Кавказа и Закавказья бандитов, торговцев и беженцев, местные органы власти нередко идут на принятие дискриминационных мер, ограничивающих миграцию по национальному признаку.

Так, в 1992г. Вологодское народное движение организовало погром приезжих кавказцев. Толпы оцепили рынок, гостиницы, рестораны,

УВД и здание губернатора. Несмотря на избиения, никто не обратился с жалобами ни в милицию, ни к губернатору. Более того, погромщики предьявили губернатору и милиции ультиматум из 22 пунктов, среди них введение регистрации иностранных гостей (из СНГ), ограничения по занятию руководящих должностей для «лиц кавказской национальности», запрещение им скупать продукцию в местных селах, введение для них таких же тарифов на обслуживание, как и для местных предпринимателей. 18 из них власти приняли, включив в решение облсовета «О мерах по введению миграционного контроля» (13).

Нередко в связи с той или иной преступной акцией приезжих возникали массовые выступления местного населения с требованиями в превентивном порядке ограничить приток кавказцев или даже выселить уже прибывших. Одно из первых таких выступлений организовали московские таксисты у здания Моссовета после убийства кавказцами их коллеги (так по крайней мере они считали).

Милиция, опираясь на статистику и свой опыт, нередко исходит из допущения, что «черный» - это весьма вероятный кандидат в правонарушители (схожим стереотипом страдает американская полиция). В результате кавказец оказывается «клейменным» подозрением, загоняется в определенное русло системой социальных ожиданий, которые он в конечном счете может и оправдать. Это делает милицию особенно внимательной к этой категории людей. Свидетели милицейских облав отмечали их избирательный «античерный» акцент: в месте облаты людей сортировали по внешним признакам и тщательной проверке подвергали тех, кто имел антропологические признаки «черного». Со стороны милиции время от времени раздаются требования ужесточить контроль за доступом в российские города «лиц кавказской национальности». Порою местные органы власти вольно или невольно принимают решения, направленные на профилактику правонарушений и предполагающие дискриминационные меры именно против «южан». Наиболее активно такую политику проводят органы власти Москвы.

После кровавых событий в Москве в октябре 1993г. Управление внутренних дел столицы занялось активной «очисткой» города от лиц, не имеющих прописки и разрешения на жительство. Поскольку у преступников на лбу не отпечатывается их склонность к правонарушениям, а у нелегально живущих без прописки также на лице не фиксируется печать паспортного стола, то крупномасштабная операция в основном свелась к отлавливанию лиц, не имеющих московской прописки с антропологическими признаками «южан».. Для того, чтобы это сделать, надо было проверить более 10 млн. жителей - сизифов труд. Однако есть видимые признаки, позволяющие отловить людей, которые с более высокой степенью вероятности могут быть нарушителями паспортного режима: смуглых, темноволосых, горбоносых и т.д., то есть носителей антропологических признаков так называемых лиц «кавказской национальности». Даже по сообщениям Российского телевидения, оказавшегося в этот период под жестким цензурным прессингом, среди задержанных нарушителей паспортного режима, которых милиция

стала выпроваживать по месту прописки, явно преобладали кавказцы (хотя нет оснований считать, что они доминируют среди всех лиц, не имеющих в паспорте московского штампа). При этом признавалось, что стало небезопасно ходить по столице всем людям со смуглым лицом и темными волосами, ибо они вызывали особый приступ бдительности стражей порядка. Жертвами проверок стали многие командированные с юга, даже дипломаты, арабы.

Таким образом, «борьба за демократию» переросла в элементарный расизм под флагом защиты института прописки - одиозного наследия сталинской эпохи, подвергнувшегося уничтожающему осмеянию демократов в годы перестройки.

В ходе предвыборной борьбы 1993 г. среди популистских лозунгов появилось немало таких, которые имели националистический или расистский оттенок. Играя на этих чувствах, часть политиков добилась существенных успехов. Особенно значителен успех В.Жириновского и его партии.

В Краснодарском крае во время тех же выборов Николай Кондратенко, прошедший в парламент, открыто выступал против «пришельцев» с Кавказа. К.Затулин всю свою кампанию на юге края построил на требовании устройства жесткой границы с кавказскими республиками.

Всего по некоторым подсчетам различного рода дискриминационные меры были приняты в 45 областях России, в Москве (15).

1. Население мира: демографический справочник. М., 1989. С.361.
2. Там же. С.368-369.
3. **Berghe P.L., van den.** Race and Racism. A comparative Perspective. N.Y.; L.; Sydney, 1967. P.9.
4. **Giddens A.** Sociology. L.,1989. P.272.
5. **Бочарова О.А., Гудков Л.Д.** Иерархия этнических стереотипов населения // Экономические и социальные проблемы: мониторинг общественного мнения. 1994. N1. Январь.
6. **С.Белановский, С.Марзеева.** Войны однополчан // Век XX и мир. 1990. N11. С.24.
7. Там же. С.24.
8. Там же. С.25.
9. **М.Л.Шабанова.** Сезонная миграция строительных рабочих // Социологические исследования. 1989. N6. С. 79-84.
10. Беженцы. М.,1993.
11. **И.Барановский.** Мафия: «молодая гвардия» против ветеранов //Московские новости. 1993. 3 ОКТ.N40.
12. Российское телевидение. «Вести». 14 окт. 1993г.
13. **В.Емельяненко.** Кого не любит первая гильдия // Московские новости. 1994.N5. СИ (Б).
14. Сегодня.
15. **В.Емельяненко.** Указ. соч.